

Василий Стёклов

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Пока смерть

НЕ ВОССОЕДИНИТ НАС

18+

Василий Стеклов

Пока смерть не...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69279805

SelfPub; 2023

Аннотация

Научно-фантастический рассказ про недалекое будущее, когда передовые технологии и искусственный интеллект еще сильнее вошли в жизнь человечества. Группа ученых из могущественной корпорации занялась решением проблемы цифрового бессмертия. Случай помог им начать смелый эксперимент по созданию нового человека. Но все оказалось не так просто. Реальность поставила перед ними сложные этические и философские вопросы. Для тех, кто любит братьев Стругацких, Рэя Бредбери, Филиппа Дика и Станислава Лема.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	21
Глава 4	30
Глава 5	37
Глава 6	47
Глава 7	56
Глава 8	68
Глава 9	74

Василий Стеклов

Пока смерть не...

Глава 1

Комнату залило мягким белым светом, зачирикали птички за окном и в воздухе разнесся запах жасмина. Спящий мужчина повернулся на широкой двуспальной постели, глубоко вздохнул пару раз и открыл глаза. Птички все еще пели, в комнате пахло жасмином, осветители в потолке горели белым дневным светом. Приветливый женский голос произнес: «Доброе утро, Карл, уже шесть утра, вы просили вас разбудить». Мужчина протянул левую руку и опустил ее на постель рядом с собой, там было пусто, и рука легла на простыню. Он повернул голову, озадаченно взглянул на пустое место, потом скользнул взглядом по комнате, и, словно что-то вспомнив, нахмурился.

Впрочем, через несколько секунд он приподнялся и сел на кровати. Некоторое время сидел так, глядя на занавешенное окно, потом произнес: «Элис, отключи будильник, дневной режим». Лампы в потолке тут же сменили свечение на более тусклое и желтое, птички за окном замолчали, и запах жасмина рассеялся. А в комнате почти мгновенно поднялась температура с 16 до 20 градусов по Цельсию.

Карл встал, потянулся и пошел к двери. Вдруг он замер и остановился, – дверь была приоткрыта, за ней стоял силуэт и смотрел на него через узкую щель.

– Элизабет? – немного растерянно произнес Карл.

Дверь открылась, за ней стояла симпатичная молодая женщина в домашнем халате и улыбаясь смотрела на него.

– Да, дорогой, я пришла взглянуть – встал ли ты уже. Как спалось?

– Спасибо, хорошо. Эмм., я уже встал, как видишь. Иду в душ. А ты давно... проснулась?

– Давно, – с улыбкой отвечала женщина. – Ты удивлен? Завтрак уже готов, ждет тебя внизу, – с этими словами она повернулась и пошла прочь.

Карл вышел из комнаты и проводил ее взглядом. Он открыл было рот, собираясь что-то сказать уходящей жене, но не сказал, повернулся и пошел в другую сторону, там где находилась ванная.

Приняв душ, он завернулся в халат и спустился вниз. На первом этаже их дома располагалась кухня, небольшая столовая, гостиная, спортзал, еще одна ванная комната и прихожая. В прихожей было две двери, одна вела на крыльцо дома, вторая в гараж.

Карл вошел в столовую. На столике стоял завтрак: омлет с тушеной кукурузой, гренки, бобы на пару и еще какое-то экзотическое новое блюдо из свежих овощей под соусом. Он сел к столу и принялся за еду, ел медленно, о чем-то думая,

хмуря лоб и временами замирая с вилкой в руке.

В столовую вошла Элизабет и подошла к нему.

– Я приготовила это сегодня. Понравилось? Я не уверена, что получилось все так как нужно.

Карл поспешил ее заверить:

– Нет, все хорошо. Вкусно. Правда!

Лицо Элизабет просияло в улыбке

– Вкусно?! Ох, как я рада! Я попробовала новый рецепт, я их столько много выучила в последнее время. Хочешь я каждый день буду готовить что-то новое для тебя?

Карл мотнул головой и пробормотал, жуя:

– Очень хорошая мысль. Но смотри, как бы я не растолстел, – начал он шутливым тоном, – ведь я не как ты и могу... – он вдруг осекся посреди фразы и замолчал.

Элизабет не обратила на это внимания и отвечала с милой улыбкой:

– Ничего страшного! Некоторым мужчинам полнота даже идет. Так что решено – буду баловать тебя самыми изысканными блюдами из лучших кухонь мира. И это очень увлекательно – готовить. Ты не знал? Как химический эксперимент, конечно, не такой, какие делаете вы в своих лабораториях, но тоже очень интересно! Смешиваешь разные компоненты, разные вкусы, растворяешь их или нагреваешь, и в итоге получаешь что-то совершенно новое.

Карл жевал и с улыбкой кивал словам жены. Она посидела с ним еще несколько минут, с удовольствием наблюдая как

он ест завтрак, а потом пошла наверх.

Через десять минут колонка, такая же как в спальне, произнесла приветливым голосом:

– Вам нужно поторопиться, чтобы успеть добраться вовремя. Вам следует выйти через пятнадцать минут. Через семь минут я заведу вашу машину, ситуация на дорогах благоприятная как обычно, до места работы вы доберетесь не более чем за тридцать шесть минут.

– Спасибо, Элис, – машинально произнес Карл, доел оставшееся с тарелок и сунул посуду в моечную машину. Потом подхватил упаковку из под снеков, жестяную банку из под газировки, мятые салфетки и упаковку из под фисташек, оставленную вчера детьми, и бросил все это в мусороуборочный терминал. Терминал начал слабо вибрировать, распознавая мусор, сортируя его и направляя по подземному конвейеру в семь разных баков за забором дома. Мусорный погрузчик утром и вечером ездил по району и опорожнял баки, загружая их в себя согласно категории: стекло, пластик, металл, бумажные изделия, электроника, опасные отходы, биоотходы.

Карл подошел к гардеробу и открыл его, на вешалке висел чистый свежий костюм, он быстро оделся, взял дипломат и вышел через двери в гараж. Машина была уже заведена, она тут же распознала хозяина, мигнула габаритными огнями и открыла водительскую дверь.

Через две минуты блестящий, лазуревосиний спорткар

выехал из ворот гаража и, проехав пару кварталов по узкой дороге частного сектора, мимо таких же красивых частных домов, свернул на автобан.

Автобан тянулся через равнину, покрытую зеленой травой, на которой то тут, то там виднелись частные домики. Обычный пейзаж для пригорода. Автобан иногда отрывался от земли и на высоких сваях пролетал над небольшими речками, рощицами, пешеходными дорожками и тропами диких животных. Вдоль всей трассы, по обоим сторонам, стояли шумоподавляющие экраны, практически не видные глазу, но снижающие шум транспорта почти на девяносто процентов. Автобан совсем не портил вида местности, а удивительным образом вписывался в пейзаж. Его опоры и прочие дорожные конструкции были увиты вьющимися растениями, а на склонах дорожной насыпи росла пышная зеленая трава с цветами. Вдали на горизонте виднелись белые лопасти ветряных электрогенераторов.

Карлу было тридцать восемь лет, из них уже пятнадцать он работал в научно-исследовательском центре гигантской корпорации Регенширм. Он начал с должности младшего научного сотрудника в одном из небольших филиалов, а сейчас, уже достигнув должности ведущего научного сотрудника и главного специалиста, он был на хорошем счету, имел в послужном списке более сотни научных статей, тринадцать патентов на изобретения и работал в головном центре корпорации.

Ехал он довольно быстро, со средней скоростью 160 км/ч, и минут через двадцать впереди показался внушительный небоскреб из синего стекла, не менее ста этажей в высоту, обнесенный высоким забором. На уровне верхних окон, ровно посередине небоскреба, был закреплен огромный логотип в виде буквы R. Логотип светился зеленым неоновым светом и смотрел на дорогу, так, что его сразу было видно тем, кто ехал в город, как Карл, так и из города. Рядом с небоскребом виднелись здания поменьше, хотя некоторые тоже были немаленькие и достигали половины его высоты.

Это был главный офис и научно-исследовательские центры корпорации Регенширм – международного хай-тэк гиганта, с астрономическими доходами, филиалами по всему миру и сотнями тысяч человек в штате. Он располагался в пятнадцати километрах от средней величины города. Большая часть населения города и пригорода так или иначе работала на корпорацию.

Регенширм была создана более тридцати лет назад тремя талантливыми предпринимателями и инженерами из США, Великобритании и Австрии. Судя по выбранному названию они были поклонниками компьютерных игр, или по меньшей мере один из них. Довольно скоро небольшая IT компания начала делать успехи, создавать превосходные высокотехнологичные продукты, приобретать все новых клиентов и увеличивать капитализацию. Ее заметили, начали заклю-

чать выгодные контракты, даже на уровне государств, и со временем в нее влились другие мировые лидеры в области высоких технологий.

Лучшие инженерные умы и молодые таланты со всего мира присоединялись к корпорации, по мере того как она росла. И вот уже много лет она занимала ведущее положение в области IT технологий, биоинженерии и хай-тэка. По крайней мере все то время, что Карл работал на нее, она только увеличивала свое лидерство в мире.

Глава 2

Машина подъехала к автоматическому шлагбауму, перед которым из асфальта выросли стальные цилиндры – автоматические противотаранные болларды. Стекло автомобиля опустилось, Карл высунул руку с электронным кольцом на пальце и приложил его к считывающему устройству. Одновременно с этим камера возле шлагбаума считала номер машины, и через секунду шлагбаум поднялся, цилиндры ушли под землю, и машина проехала на территорию. Возле забора прохаживались вооруженные охранники в форме, на которой был нашит такой же логотип буквы R, что был на небоскребе.

Сейчас, в начале рабочего дня, автомобили то и дело заезжали на территорию, большей частью все они были дорогими и новыми, как и машина Карла. Если же какой-то сотрудник приезжал на такси, то он высаживался возле забора и проходил через пропускной пункт пешком. Никто посторонний на территорию Регенширм не допускался.

Синий автомобиль проехал на подземную парковку, в зону С, это была парковка для сотрудников высокого уровня, не начальство, но не рядовой и не средний персонал.

Карл вышел из машины и пошел к лифту, возле которого уже стояло группа людей. Его дорогой костюм, был не классического фасона, а свободного, это означало сотрудника на-

учного отдела корпорации, те кто работал в административных отделах носили строгие костюмы с галстуками. Несколько стоящих у лифта оглянулись на него.

– Привет, Карл, – поздоровался с ним мужчина примерно его возраста и в таком же демократичном костюме.

– Привет, Гэбриэл. Как ты?

– Спасибо, я хорошо. А ты как?

– Я тоже.

Они пожали друг другу руки. «Доброе утро», – произнес Карл несколько раз, кивая головой другим ожидающим, с кем он не был хорошо знаком. Они ответили таким же кратким приветствием и кивком головы. Корпоративный этикет большего не требовал. Кто-то из ожидавших стоял молча, те кто встретил знакомых, лениво обменивались короткими фразами. Лифт вскоре приехал, и все вошли в кабину.

Они поднялись с парковки на первый этаж в огромный светлый вестибюль с высокими окнами до потолка. Научный отдел разработки искусственного интеллекта и цифровых технологий находился в одном из высоких зданий, тех что были в половину высоты главного небоскреба. В главном небоскребе располагалось руководство, топ менеджеры, финансово-экономический отдел, юридический и другие административные службы. В остальных зданиях находились научные лаборатории, медицинский исследовательский центр, служба безопасности, курьерская служба и разный рабочий персонал, вроде поваров, уборщиков и электромонтеров.

Выйдя из лифта, Карл подошел к стойке охраны и показал свое удостоверение. Охранник со скучающим видом взглянул на удостоверение, кивнул ему головой и нажал кнопку. Перед Карлом раздвинулись створки турникета, и он прошел в лифтовой холл, где набрал на клавиатуре «33» – нужный ему этаж.

Вообще-то, все эти охранники и проверка документов были скорее данью традиции и символом высокого статуса корпорации, чем необходимостью. Безопасность во всех зданиях вполне обеспечивалась автоматизированной системой. В ней было заложено распознавание лиц и определение уровня персонального доступа всех сотрудников. Никому постороннему проникнуть в какое-либо из зданий корпорации было невозможно, его бы тут же обнаружила и идентифицировала система безопасности и мгновенно бы блокировала в том самом месте, где он попался под ее всевидящее око. И нарушителю оставалось бы ждать вооруженных охранников, не имея возможности открыть ни одну из дверей.

Так же как и сотрудник с низким уровнем доступа не смог бы проникнуть туда, куда ему заглядывать не полагалось, даже если бы он похитил, как в детективных фильмах, чью-то карту доступа. Но даже если бы все эти шпионы проникли в какое-то засекреченное место, то они все равно бы не смогли ни подсмотреть ничего, ни тем более скопировать или вынести из здания. Система безопасности была подключена ко всем рабочим местам и всем компьютерам комплекса, и тут

же бы обнаружила подозрительные действия любого человека, будь это даже полноценный сотрудник, перекупленный конкурентами. И ее невозможно было отключить или взломать ни одному хакеру и даже самим программистам, что ее обслуживали. Как говорил Якоб Нойер – глава службы безопасности корпорации: «Подростку проще зайти на сайт для взрослых под носом у бдительной мамы, чем кому-то посмотреть конфиденциальные файлы Регенширм». Абсолютная надежность, как и во всем другом чем занималась корпорация.

Лифт вскоре приехал, и Карл вместе с другими ожидающими вошел в кабину. Последним в лифт вбежал молодой худощавый человек в очках, с коротко подстриженными светлыми волосами. Он конфузливо встал в углу, как бы чувствуя неловкость за этот свой прыжок в уезжающий лифт, потом поднял голову и остановил взгляд на Карле.

– Карл, привет! – радостно воскликнул он.

– Привет, Фрэнки, – улыбнулся Карл.

Это был сотрудник из его лаборатории, молодой но уже очень сообразительный софт-инженер и программист. Сейчас они работали вместе в составе научной группы из восьми человек.

– Торопись на работу, я вижу?

– Ну да, типа того... – смущенно забормотал Фрэнк. – Столько дел сегодня и вообще в последнее время... А знаешь, я думаю, наш проект очень неплохо идет.

– Ну, собственно, так и есть... – начал Карл, но в этот момент лифт приехал на их этаж.

Они вышли из лифта и направились в лабораторию – большое помещение с высокими потолками и ярким освещением, где стояла дюжина рабочих столов с компьютерами, а вдоль стен были установлены 3D сканеры, лазерные генераторы, станки для сборки микрочипов, фотолитографы, 3D принтеры, тестовые камеры и другое сложное и самое передовое оборудование.

В комнате уже работали их коллеги: программист Аврил, инженеры-структурологи Николя и Рауль, нейробиолог Стефани, инженер-тестировщик Кларисса, инженер-биохимик Нацуки.

– Привет, гайс! – весело сказал Фрэнк.

– Карл, Фрэнки, привет, – ответили они, на секунду подняв головы от мониторов и тут же опустив их.

– Вы уже начали – молодцы! Моя школа! – сказал Карл. Он был ведущим сотрудником в этой группе и поэтому иногда в шутку изображал начальствующий тон.

Их группа была одной из многих, кто работал над созданием нейрочипов – устройств для вживления в мозг, с помощью которых можно было лечить различные нервные и психические заболевания, такие как: шизофрения, болезнь Альцгеймера, энцефлопатии, Паркинсон, эпилепсия и другие. А кроме этого – улучшать когнитивные возможности

мозга. Одновременно с ними этим занимались несколько лабораторий медицинского центра, и вроде работа шла неплохо.

Ученые первое время работали молча, производили вычисления, писали программные коды, время от времени отходили от мониторов и шли к какому-то из приборов в лаборатории, проводили измерения, собирали фрагменты чипов, делали тесты и возвращались назад к мониторам. Если и общались друг с другом, то только по рабочим моментам. Но часа через полтора начали переговариваться и на сторонние темы, чтобы развлечь утомленные мозги. Хотя команда была интернациональная, но все довольно хорошо говорили по-английски.

– Нацуки, а в Японии какое направление сейчас самое перспективное? – спросил Рауль.

– У нас? Хм, все тоже самое, как мне кажется: биоинженерия, генетика, искусственный интеллект, цифровизация человеческой среды. Разве что мы, японцы, питаем традиционную слабость к роботам. Вот их у нас много, в Европе это не так сильно пока. Мне больше нравится как здесь, – отвечала Нацуки.

– Да, в этом вы безусловно впереди всех, задаете тон. Я вот совершенно не против роботов. Года два назад ездила в Токио, и мне там очень понравилось, – сказала Аврил.

– Я тоже не против, но не так, чтобы эти роботы были везде. Их у нас пихают во все места: роботы выгульщики собак,

роботы садовники, няньки, танцоры, охранники, официанты, любовники. Уже создают совсем странных – роботы для хорошего настроения, или гармонизаторы, которые просто ходят по улице, насвистывают веселый мотивчик, улыбаются и машут рукой всем встречным, – сказала Нацуки с нотками смеха в последних словах, описывающих странных роботов. Несколько человек засмеялись вместе с ней.

– А я считаю, что прогресс не остановить, – весело сказал Фрэнк, – не будь роботы нужны людям, их бы не делали. Но их делают все больше, и это улучшает нашу жизнь, облегчает, делает интереснее. А если кому-то не нравится – ради бога! Пусть становится дауншифтером или едет в какую-нибудь архаичную страну, где технологии на уровне прошлого века.

– Не-не! Что интересно – в эти страны никто не едет, – оживленно сказал Николя, – ни один сторонник традиций и слияния с природой. Потому что все эти страны, которые отвергают прогресс и проповедуют традиции отцов со всякими духовными скрепами, как на подбор – нищие, убогие дыры. С ужасной экологией, преступностью и озлобленным депрессивным населением. И в этих странах всегда у власти диктаторы, которые втихаря пользуется всеми достижениями научного прогресса, что мы тут производим, а своим гражданам проповедуют жизнь в нищете, в тяжелой работе и ненависти к технологиям, способным эту жизнь облегчить.

– Да, есть такие места. Это ужасно, конечно! Но, к сча-

стью, таких стран становится все меньше, – сказала Кларисса.

– Все равно, прогресс не остановить и не замедлить, – сказал Фрэнк. Он откинулся на кресле, заложил руки за голову и мечтательно глядел в потолок. – Технологии – это наше будущее! Вы задумывались над будущим? Не над далеким даже, а самым ближайшим? Я вот часто думаю. Ведь то что мы делаем сейчас в лабораториях, скоро станет будущим человечества. А мы – часть этого будущего. Как же это офигенно!

– Согласен, технологии облегчают жизнь человека. Но это далеко не главное. Технологии продлевают нашу жизнь, совершенствуют человека как вид. Мы теперь можем жить активной жизнью до ста лет, и эта продолжительность будет увеличиваться. Побеждаем все больше болезней. Искусственный интеллект, трансгуманизм – вот наше будущее, – поддержал Николая.

– Карл, ты ведь у нас в этом спец. Недавно работал с Перельманом, Юровским, Фонштейнером и прочими важными шишками над чем-то секретным из этой сферы. Вроде и Фрэнки был с вами, – сказал Рауль.

– Было дело, – задумчиво отвечал Карл. – Всего пока раскрыть не могу, но это очень перспективная тема. Впрочем, скоро вы все узнаете.

– Вроде как что-то связанное с искусственным интеллектом и квантовым мозгом? – спросил Рауль.

– Да. И мы добились, не побоюсь сказать, успехов. Со-

всем немного усилий, и квантовый мозг будет обладать всеми функциями биологического мозга, но при этом он будет избавлен от всех его недостатков. Маленькая и нестабильная память, медленная скорость обработки информации, когнитивные ошибки, утомляемость. Мощь суперкомпьютера будет сочетаться с воображением, любознательностью, научным предвидением и другими качествами человеческого разума. Я даже не знаю как это лучше назвать: сверхразумный человек или очеловеченный искусственный разум, – сказал Карл.

– Я думаю, что это все же искусственный разум. Все таки человек – это человек, биологический вид из плоти и крови, – сказала Стефани.

– Ну уже не все из нас биологические существа из плоти и крови, – начал вдохновенно Фрэнк. – Я хочу сказать – не полностью. Еще в начале двадцать первого века начали создавать импланты и протезы, заменяющие части человеческого тела и органы. А косметические импланты, зубные импланты, суставы начали делать еще в конце двадцатого. Сейчас, как вы знаете, многие органы и ткани создают с помощью генной инженерии и биокибернетики. Так вот, один миллионер из Малайзии, я читал в одном журнале, притом не каком-нибудь, а солидном научнопопулярном, он заменил себе столько органов: один глаз, почку, семь суставов, часть кровеносной системы, часть позвоночника, кожу на лице и еще что-то, так в итоге от изначального биологи-

ческого тела у него осталось сорок шесть процентов. Представляете! Меньше половины! Так что человек сейчас уже не совсем биологический вид.

– А кто же теперь человек? Надбиологический вид? – спросила Стефани.

– Да. Или лучше даже... Хм... Мета-биологический! – сказал Фрэнк и энергично щелкнул пальцами от такого удачного слова.

– Мета-биологический – после биологический, то есть. Ну что ж, очень подходящее название, – сказала Стефани.

– А это идея, – задумчиво промолвил Рауль. – Терминология должна успевать за прогрессом. Как назвать тех, кто уже не является биологически человеком, но из-за сложности мозга и обладания сознанием не может быть причислен к машинам. Мета-люди – лучше и не придумаешь!

Глава 3

Рабочий день кончился, Карл выехал с парковки, миновал шлагбаум и въехал на автобан в направлении к дому. По дороге ехал плотный поток машин, многие возвращались с работы и направлялись из города к своим уютным частным домикам, но, как и обычно, движение было быстрым, без пробок и затруднений. Искусственный интеллект, внедренный в большинство современных автомобилей, позволял избегать пробок, ДТП и прочих проблем, выбирая оптимальную скорость и траекторию движения. Водители конечно все еще управляли своим транспортом, но ИИ бережно контролировал и координировал этот процесс, как опытный инструктор наблюдает за новичком, учащимся вождению.

Если ИИ видел через автомобильные камеры, что машина идет на столкновение с каким-то объектом, выезжает на встречку или обочину, опасно приближается к другому автомобилю, то он тут же совершал необходимые маневры, предотвращая аварию. Бывали случаи, когда водители засыпали за рулем или теряли сознание, бортовой компьютер определял, что автомобиль потерял управление и тут же аккуратно парковал его к обочине. Так что аварии случались редко и только самые легкие, с минимальным ущербом. Кроме того ИИ отслеживал сигналы светофоров и дорожные знаки, не позволяя нарушать их. Но эти ограничения води-

тель мог игнорировать при необходимости, если наездил более 250 часов без нарушений. И при условии, что такие его действия не угрожали привести к ДТП.

Так же ИИ автомобиля был соединен с ИИ уличных камер, благодаря этому он сразу же определял оптимальный маршрут в потоке машин, а городской ИИ мгновенно регулировал режим переключения светофоров, согласно потоку на дорогах. Эта система регулировала уличное движение настолько успешно, что пробок не было даже при самых пиковых нагрузках. Если же случалось иногда легкие ДТП, то дорожные дроиды мгновенно все фиксировали и оценивали, так что автомобили через считанные минуты продолжали свое движение.

Карл доехал до дома почти так же быстро как и утром на работу, хотя теперь он не гнал сильно, а ехал на средней скорости в правом ряду и думал. Думал о том, о чем не позволял себе во время работы и не имел желаний дома. «В выходные хорошо бы съездить к родителям, на озеро. Там развеюсь, соберусь с мыслями... Съездить? Нет, не могу я ехать на озеро».

Машина подъехала к дому. Карл открыл пультом ворота, потом двери гаража и поставил машину рядом с красным кабриолетом жены. Вошел из гаража в прихожую, снял верхнюю одежду и бросил ее в сухой очиститель, что стоял здесь же, одел халат и прошел в ванную комнату умыться. После этого он вошел на кухню. Элизабет стояла у стола возле ко-

фе-машины, она с улыбкой обернулась и взглянула на него.

– Привет, дорогой. Как прошел к день?

Карл подошел к ней, улыбнулся.

– Хорошо. Как ты?

– Я решила приготовить кофе к твоему приходу. Какой ты любишь. Без кофеина, конечно.

– Спасибо, ты очень мила, Лизи, – он ласково положил руку ей на плечо. Элизабет затрепетала и подняла на него глаза. Он смотрел на нее ласково и задумчиво, она с ожиданием. Через несколько мгновений это переросло в неловкую паузу. Карл почувствовал это, отвернулся от жены и обвел кухню глазами, словно что-то искал.

– Хм, где мой планшет? Тут в одном издании вышла статья про нашу компанию, и там упомянули проект над которым мы сейчас работаем. Я хотел показать тебе...

Карл обернулся и снова взглянул на жену, она все еще смотрела на него и улыбалась. Карл нервно сглотнул и поспешно отвернулся.

– Так мне включить тебе эту статью?

– Конечно, дорогой, мне очень интересно.

Он взял свой ультратонкий планшет со столика в столовой, и вернулся на кухню. Планшет был не очень новый, но надежный, его можно было сворачивать в трубочку и мять, как обычный бумажный журнал. Карл быстро полистал его пальцем.

– Вот она.

Элизабет помешивала кофе в кружке, иногда взглядывая на него через плечо. Карл секунду посмотрел на нее, потом положил планшет на стол рядом с ней, развернулся и вышел вон. Он быстро поднялся по лестнице на второй этаж и заглянул в детскую. Дети сидели перед монитором и смотрели какую-то интерактивную обучающую передачу. Мальчик восьми лет, Леон, и дочка, Мэлани, младшая, пяти с половиной. Она не очень внимательно смотрела передачу и часто отвлекалась на свой планшет, быстро водила пальчиком по экрану и улыбалась, наверно общалась с подружками или играла в игру. Они оба обернулись, когда Карл заглянул в комнату.

– Папа, папа! Наконец-то ты пришел! – радостно вскрикнули они.

Карл зашел в комнату, подошел к ним и обнял.

– Да, мои маленькие зайчики! Скучали? Я тоже скучал!

– Скучали, приходи пожалуйста пораньше, – сказала девочка, – мы не хотим оставаться с ней.

– С кем не хотите, с мамой? Ну почему? Я же говорил с вами в понедельник – наша мама сильно болела, но она скоро станет такой же как раньше.

Дети послушно закивали головами, а потом переглянулись и Леон сказал:

– Пап, а можно, чтобы мадемуазель Бенар вернулась?

– Да, папа, пусть она вернется, она нам так нравилась, – сказала дочка.

– Мадемуазель Бенар? Эх, ну если вы хотите и если она согласится, – Карл с грустной улыбкой посмотрел на детей. – Хорошо, я позвоню ей и спрошу.

Лица детей просияли.

– Спасибо, папа!

– Ладно, зайчики, играйте, завтра я приеду пораньше и обязательно поиграю с вами. А сегодня папа немножко устал.

Он вышел из детской и пошел в спальную. В последнее время он чувствовал сильное утомление после работы, его начинало клонить в сон. Он сел на кровать, положил руки на колени и сидел так с минуту, глядя в окно на ночное небо. Потом медленно прилег на подушку и прикрыл глаза. «Элис, включи музыку, что-нибудь вечернее». В комнате негромко заиграла музыка. Вскоре послышались шаги и открылась дверь.

– Дорогой, ты уже спишь? А я принесла кофе.

Он открыл глаза, Элизабет стояла возле кровати с чашкой дымящегося кофе. Карл молчал, глядя куда-то вглубь себя. Так прошло несколько секунд.

– Дорогой?

– Спасибо, Лизи, – встрепенулся он, – поставь на тумбочку. Сейчас...

– Что с тобой?

– Со мной? Ничего. Устал немного.

Элизабет села на кровать рядом с ним и провела ладонью

по его груди, потом по волосам.

– Устал?

– Да.

– И больше ничего?

Тень прошла по его лицу. Секунду помедлив, он произнес бесцветным голосом:

– Больше ничего.

Элизабет с грустью посмотрела на него, поднялась, обошла кровать и легла рядом с ним. Минуты две они лежали так, глядя в потолок, в комнате тихо играла спокойная музыка.

– Чарли. Ты стал таким из-за меня? – Элизабет повернула к нему голову.

– Я? О чем ты? – глухо отвечал он, все так же глядя в потолок.

– О тебе. Вначале ты был прежним, даже очень веселым, или старался казаться таким. Но теперь не то. Я давно уже заметила это, с конца прошлого месяца.

Он молчал, потом вздохнул и ответил:

– Я не знаю. Я устал... От всего... Должно пройти время, я думаю.

– И сколько его должно пройти?

– Не знаю. Никто не знает.

– И что же нам делать, Чарли?

– Не знаю, Лизи. Никто не знает... Но ничего, мы справимся.

– Я не сержусь на тебя, если ты подумал. И я чувствую себя хорошо, и доктор, что приходит к нам, тоже говорит, что все хорошо. Он ведь доктор или нет?

– Да, он доктор, не совсем обычный, но доктор.

– Но я волнуюсь не за себя, а за вас, – продолжала Элизабет. – Дети сегодня спрашивали меня про няню, вернется ли она, а Мэлани как будто боится меня. Ты тоже стал меняться.

– Ты должна понять, нелегко сразу привыкнуть к этому. Нужно время... Знаешь, я хотел сказать тебе: я давно не был у родителей. Я съезжу в эти выходные на озеро. Ты не против?

– Нет, я не против, – печально сказала она.

– Ты не обидишься, если я съезжу к ним?

– Обижусь ли я? – грустно усмехнулась Элизабет. – Ты забыл, что я уже не человек? Разве машины могут обижаться?

Карл поежился от этих слов и быстро повернулся к ней.

– Не говори так! Ты человек, ты моя жена, которую я люблю.

– Я же вижу. Ты наконец понял, что я уже не твоя жена, и ты не можешь относиться ко мне как раньше. Как бы ты не хотел этого. Тебе даже тяжело находиться со мной. Вот ты уже хочешь сбежать от меня, – все печальнее говорила Элизабет.

– Я же объяснял... Я устал, мне нужно время. Но это не значит...

– Дело не во времени. Просто я ведь умерла, Чарли. И

сейчас здесь с тобой, в постели, просто моя копия, имитация, записанная на квантовый мозг. Иногда я даже думаю, что не имею право говорить «моя копия». Я и есть копия, копия твоей умершей жены.

– Ты и есть моя жена! – с волнением говорил Карл. – То что твое сознание перенесли на электронную матрицу этого не отменяет. Это твое сознание, а значит ты все та же Элизабет. Я узнаю тебя, ты также узнаешь меня. Наша свадьба, медовый месяц, наши дети – все это осталось. Я все это помню, и ты это помнишь. Цифровое бессмертие – это новый этап в развитии человечества, и к этому неизбежно придут все. Но мы стали пионерами, так получилось, поэтому нам так трудно... Мы не были готовы, эта болезнь нагрелась так подло. Но мы справимся, должны справиться!

Он обнял жену и поцеловал ее в волосы, она уткнулась лицом в его грудь, из глаз ее текли слезы. Кожа Элизабет была настоящей, выращенной из ее собственной кожи, и пересажена на ее новое кибернетическое тело. Она была гладкая, мягкая и теплая, 36 градусов как и положено, имела сальные и потовые железы и волоски, все как полагается. Под кожей были установлены и датчики давления и температуры, очень чувствительные, все как у людей. Эндоскелет нового тела, насколько возможно, повторял скелет Элизабет – рост, ширину плеч, ширину таза, осанку, длину рук и ног. Вся электронная начинка кибернетического тела: аккумулятор, двигатель, системы функционирования, – были размещена в ее

груди и животе. Но кроме них там находилось настоящее человеческое сердце, его пересадили от Элизабет. Оно обеспечивало кровоток к биологическим тканям, таким как кожа, слизистая рта, слезные железы, мимические мышцы лица и некоторым другим, что были пересажены из тела Элизабет на новое тело. Процессор или квантовый мозг, как и полагается, был в черепе.

Тело было сделано настолько хорошо, что на вид и даже на ощупь почти не отличалось от человеческого. Под кожей находились имитирующие мышцы мягкие полимерные волокна, они даже могли сокращаться как мышцы при движении конечностей, а все выступающие части эндоскелета по форме точно воспроизводили кости человека. В этом проблемы не было, проблема была в другом...

Глава 4

Все началась два с половиной года назад. Несмотря на совершенство медицины и раннюю диагностику, несмотря на наноботов, обученных уничтожать раковые клетки внутри организма, до полной победы над онкологией было еще далеко. Хотя работа над этим велась, в том числе и в Регенширм.

Так получилось, что Элизабет как раз попала в тот небольшой процент, у кого возникают тяжелые формы рака, не поддающиеся лечению. Это разумеется было связано с генетической предрасположенностью, генетическая карта Элизабет предупреждала о таких рисках, но все равно болезнь нагринула врасплох.

Первые симптомы появились неожиданно, и хотя вскоре был поставлен точный диагноз: Т-клеточный пролимфоцитарный лейкоз – редкий и очень опасный вид рака, лечение самыми современными методиками только отсрочило развязку. Был шанс, и неплохой, что болезнь удастся победить, благодаря генетически модифицированным стволовым клеткам, но увы, Элизабет попала в несчастливый процент. Болезнь возвращалась и прогрессировала. В течении двух лет два раза возникали рецидивы, и ее состояние ухудшалось все сильнее. Известный доктор-онколог, ознакомившись с данными анализов, сказал Карлу наедине, что вряд ли стоит рас-

считывать на благоприятный прогноз.

И вот десять месяцев назад, когда Лизи опять слегла с тяжелым рецидивом, Карл впервые задумался над этим. Идея цифрового бессмертия уже давно занимала умы ученых и все сильнее проникала в массовую культуру. Проводились опыты с оцифровкой личности отдельных людей, проводились опросы общественного мнения, но до решительного воплощения этой задумки вроде бы еще не созрела ни научная база, ни само человечество. А Карл созрел. Поневоле.

Примерно через неделю, как эта мысль поселилась у него в голове, Карл пришел в приемную руководителя научно-исследовательского отдела корпорации, где работал он сам, и попросил принять его. Через пять минут его пригласили в офис директора. Томас Андерсон, доктор физико-математических наук, статный худощавый мужчина пятидесяти лет, с жгучими черными волосами и черными глазами сидел в кресле за столом возле большого окна и смотрел в монитор. Он мельком взглянул на Карла и жестом пригласил сесть в кресло напротив.

– Здравствуйте, мистер Андерсон.

– Здравствуй, Карл, ты что-то хотел?

– Да. Хотел поговорить с вами об одном деликатном деле, – Карл смутился, придвинулся ближе и наклонился. – Дело в том, что... Это касается моей жены... – он замешкался

на секунду.

– Да, я слышал про нее. Прими мои соболезнования. Если нужна какая-то помощь с лечением, то обращайся лично ко мне. Мы положим ее в лучшую клинику.

– Спасибо, мистер Андерсон. Но боюсь, что никакая клиника уже не поможет.

– Да? Все настолько плохо?

– Да, – тихо ответил Карл, устремив взгляд на свои сложенные в замок руки.

– Ну что ж, мне очень жаль. Тогда что же ты хотел от меня?

– Я хотел... Как бы вам сказать... Просьба моя... Наша компания работает над проблемой цифрового бессмертия. Вы, несомненно, следите, одно из самых перспективных направлений трансгуманизма. Я напрямую с этой областью не связан, но знаю, что у нас есть определенные успехи... И я подумал, что можно... – Карл запнулся и замолчал, кусая губы.

Томас Андерсон вскинул брови и внимательно посмотрел на него.

– Карл, я понимаю к чему ты ведешь. Но боюсь, что провести процедуру перехода личности твоей жены в цифровую форму пока не представляется возможным. Раз ты интересовался нашей работой над цифровым бессмертием, то, наверно, знаешь, что кроме успехов, также имеется ряд нерешенных проблем.

– Да, я все знаю. Я говорил с Перельманом и другими спецами из его лаборатории. Проблемы есть, и не будь я поставлен в такое положение, то конечно бы не стал затрагивать эту тему. Но других вариантов похоже не остается. Это последняя возможность... Я не настаиваю, разумеется, я понимаю насколько это сложно. Но рано или поздно все равно этот шаг придется сделать – провести натуральный эксперимент на человеке. Вот я и подумал, что раз уж так все...

Карл все сильнее волновался, пока говорил, хотя собирался придерживаться научного и беспристрастного тона. Произнеся последние слова, он замолчал и робко поднял глаза на директора. Тот хмурился и, по-видимому, размышлял. Крал вдруг испугался, что он сейчас откажет, и снова заговорил дрожащим голосом. Те мысли, что он не хотел обнародовать, но постоянно обдумывал наедине с собой:

– Я все понимаю – можно просто смириться, просто жить дальше, столько, сколько нам осталось. Говорить по душам, то что не успели сказать все эти годы, держать другу друга за руки, смотреть в глаза. А потом... – голос Карла дрогнул, – проводить ее в последний путь, кинуть горсть земли на гроб, поставить на камин фотографию с черной лентой. И жить дальше, уйти с головой в работу, походить к психотерапевту, говорить детям, что мама смотрит на них с небес, хотя они знают, что папа не верит во все это. Жить дальше, как и все в таких ситуациях, я не лучше других, не я первый... Я все это понимаю...

Тут голос Карла оборвался, он закашлялся и прикрыл лицо рукой, старясь подавить подступившие рыдания. Андерсон смотрел на него, нахмутив лоб. Наконец он вздохнул, достал из ящика маленькую бутылку с водой и протянул Карлу.

– Глотни.

– Спасибо. Я прошу прощения...

– Хорошо, иди. Не буду скрывать, твоя просьба несколько неожиданна... Но я поговорю с Перельманом, мы подумаем. И если есть какие-то варианты, то... Я дам тебе знать, Карл.

– Спасибо, мистер Андерсон.

Через две недели после этого разговора Карла вызвали к директору. Он пришел после обеда и в кабинете Андерсона увидел его самого, а рядом с ним руководителя лаборатории цифрового трансперсонализма Грегори Перельмана.

– Присаживайся Карл, – сказал Андерсон.

Карл с бледным лицом подошел к креслу и сел, не осмеливаясь ничего спрашивать.

– Мы с Грегори долго обсуждали твою проблему. В общем, ситуация такова... Грегори, давай лучше ты, – обратился он к Перельману.

Перельман, высокий мужчина с широким лбом над умными карими глазами и длинной густой бородой, прокашлялся и обратился к Карлу:

– Да, что можно сказать. Карл, мы с тобой говорили уже, и не так давно. Проблемы цифрового перехода я тебе вкратце описал. Что поделывать, наука пока только подбирается к их

решению. Но сейчас мы обсудили с мистером Андерсоном... В принципе, он может задействовать людей из других отделов, лучших инженеров, кибернетиков и программистов, даст под нашу задачу дополнительные мощности, еще три сверхпроцессора сможем задействовать в работе... Но все зависит от того, сколько у нас есть времени. Насколько плохо состояние твоей жены?

– Эмм, ну доктора дают примерно полгода, плюс-минус, – взволнованно отвечал Карл.

– Полгода, – задумчиво повторил Перельман. – Ну что ж. Я думаю, мистер Андерсон, мы можем попробовать. За успех конечно ручаться нельзя, но на то она и наука.

Карл сидел как оглушенный и смотрел перед собой. Андерсон задумчиво барабанил пальцами по столу. Наконец он взглянул на них и произнес твердым голосом:

– Тогда решено, начинаем работу с завтрашнего дня. Первый в мире проект по цифровому переносу личности человека. Мы лидеры в этой области, так что... раз все так сложилось, попробуем! Карл, завтра отбери из всех лабораторий, которые знаешь, наиболее толковых ребят, и будьте на связи с Грегори. Он будет руководителем, само-собой. Задача предстоит очень сложная! Грегори, ты все знаешь. Идите. А я сейчас сделаю необходимые распоряжения.

В тот день Карл почти не мог работать, мысли его не слушались и вертелись вихрем вокруг новости, что он узнал. Новый грандиозный проект, имеющий революционное зна-

чение для человечества! И кроме того – Элизабет останется жива! Он ехал домой, сидя за рулем, как на иголках. Ему было и страшно, и грызло нетерпение быстрее начать работу. Он уже примерно знал кого отберет в команду, были на примете, и не мало, весьма толковые ребята и девушки, кто увлекался разработками искусственного интеллекта. За годы работы в корпорации он повидал много блестящих умов и талантов. А у Перельмана в лаборатории имелись такие титаны как Юровский и Фонштейнер, и кроме них другие самые талантливые ученые мирового уровня.

Правда оставалась еще одна проблема, не совсем и проблема – небольшая сложность по сравнению со всем остальным, – убедить Элизабет. Но это решилось на удивление легко. Элизабет была слишком подавлена и измучена вернувшейся болезнью. Она догадывалась, что лечение идет отнюдь не успешно, и страх близкой смерти уже начал тревожить ее. Поэтому она молча выслушала сбивчивые объяснения мужа про цифровой перенос ее личности, что это самое перспективное направление науки, и ответила: «Если ты считаешь, что это поможет, то хорошо. Я верю тебе».

Глава 5

За шесть с половиной месяцев до смерти Элизабет была проделана огромная работа. Перенос личности на электронный носитель был уже опробован в экспериментах, это было технически возможно, хотя и не совсем легко. Главной же проблемой был перенос, или скорее, репликация сознания будущей цифровой личности. Вот с этим была сложность, наука до сих пор не могла точно определить что такое сознание, какая область мозга отвечает за него, и вообще, представляет оно собой нечто целостное или сумма разных психических процессов создает этот феномен, который мы понимаем как сознание.

Тем не менее, наличие сознания было определяющим признаком человеческого существа. Как бы ни была точно воспроизведена личность человека, с тонкостями характера, памятью, привычками и знаниями, но, не имея сознания, это все равно была бы лишь сложная, искусно изображающая человека машина.

Кроме того, сознание управляло поведением человека, или даже так – человек с помощью сознания управлял своим поведением. Какой бы ни был мощный компьютер, он мог действовать только имея программу, он не мог спонтанно, под воздействием желания или вдохновения задумать что-то

и начать действия. Машины не осознавали себя, будь их мозг хоть в тысячи раз мощнее человеческого, это был ущербный, лишенный воли автомат, который действовал только под руководством человека.

Перельман распределил обязанности между всеми специалистами, которых подчинил ему Андерсон, а сам со своей лабораторией занимался преимущественно переноской сознания Элизабет. Какие-то функции сознания они уже моделировали раньше, какие-то еще предстояло воссоздать, но самое главное было заставить их работать вместе, комплексно, как это происходит у людей. Цифровая личность должна была мучиться проблемой выбора, рефлексировать, сомневаться, испытывать лень и энтузиазм, слушать свои мысли в голове и проживать эмоции, и эти испытываемые эмоции должны отражаться на восприятии и мышлении цифровой личности. Она должна испытывать любопытство и растерянность, удовлетворение при достижении результата и подавленность при неудаче, ощущать течение времени, погружаться в ностальгию о прошлом и мечтать о будущем, испытывать эстетические переживания, мучиться экзистенциальными вопросами, менять взгляды под влиянием нового опыта и еще много тонких нюансов, которые и составляют этот феномен – сознание. Так чтобы в итоге Элизабет, проснувшись, могла осознать себя, что это «Я», а там, снаружи, вне меня, окружающий мир и другие люди. И чтобы она ощутила себя совершенно полноценной и не утратившей какие-то сто-

роны своей прежней личности. И чтобы все эти стороны ее личности не конфликтовали между собой, как у шизофреников, а объединялись в единую структуру, осознаваемую всеми людьми как «Я».

Если эта проблема не будет решена, хотя бы на 70-80%, как рассчитал Перельман, то нечего и говорить о цифровой личности и цифровом бессмертии. Они бы создали всего лишь хорошую копию, симуляцию, не сильно отличающуюся от уже существующих гуманоидных роботов.

Эта задача была самой сложной, и команда Перельмана работала буквально днями и ночами. Но всё новые проблемы возникали одни за другими. Как-то в свободную минуту, через четыре месяца после начала проекта, Карл заглянул в его лабораторию и решил спросить его об успехах. Перельман сидел в кресле возле монитора, соединенного со сверхпроцессором, внимательно смотрел в него осоловелыми глазами и периодически стучал пальцами по клавиатуре. Он даже не сразу отозвался на вопрос Карла.

– Что? Ох, сложно, Карл, все очень сложно! Феномен человеческого сознания не поддается ни словесному, ни математическому определению. Так что мы двигаемся во многом на ощупь и пытаемся его именно реплицировать – отлить по известной нам форме. Форма биологическая, а мы отливаем в цифре. Хе! А понять и запрограммировать его невозможно. Пока что. То что мы имеем – это психические феномены

и неврологические законы, некоторые из них универсальны: явное сознание, подсознание, воля, интуиция, эмоции, вербальное и абстрактное мышление. А какие-то уникальны и есть только у твоей жены. Мелкие узорчики на большой форме, и мы их старательно срисовываем. А потом все это надо переводить в цифровой код и интегрировать в одну цельную структуру. Но так как этого никто еще не делал, были только так, наброски, то здесь на каждом шагу куча сложных вопросов и неопределенностей.

– Грегори, ты же у нас математический гений, если ты не сможешь...

– Карл, дружище, давай сейчас без долгих разговоров. Когда я работаю, то даже бывают не слышу что мне говорят ассистенты. Даже вот сейчас в голове крутится куча вопросов и куча вариантов их решений. А я никак не могу поймать то что нужно, – Перельман потер красные глаза кулаками и откинулся на стуле. – Пожалуй, без этого не обойтись. Надо поспать хотя бы часиков тринадцать, восстановить мозги. Карл, извини, все вопросы потом!

И вот, после нескольких недель бессонных ночей, перемежаемых тринадцатичасовыми отдыхами, стали появляться слухи, что команда Перельмана значительно продвинулась и близка к решению. Остальные группы, которые конструировали кибернетическое тело, копировали воспоминания, привычки, эмоции и прочие личностные особенности Элизабет, уже практически закончили свою работу. Многие из

освободившихся перешли к Перельману, а остальные ждали в нетерпении. Карл тоже присоединился к перельмановской группе и как мог помогал выдающимся умам заканчивать копирование и воссоздание сознания своей жены.

Наконец, после почти шести месяцев напряженной работы, все было в принципе готово к цифровому переходу. Процесс перехода был запланирован следующим образом: Элизабет, уже сейчас очень слабая, когда ее состояние станет совсем критическим, заснет под действием лекарств, и эти воспоминания будут последними, которые загрузят в ее квантовый мозг. А уже после смерти ее тела квантовый мозг будет запущен, и Элизабет словно проснется, но уже в новом теле и с новым мозгом.

К этому моменту уже должно быть подготовлено кибернетическое тело для нее. Смоделированное в квантовом мозге полноценное сознание будет наполнено воспоминаниями, мыслями, эмоциями, привычками, взглядами и прочими компонентами личности Элизабет. Будет воссоздан ее психотип и темперамент.

Для своего тела она выбрала возраст двадцать семь лет, такой должна была стать ее внешность и уже не меняться. Она говорила, что это ее лучший возраст, они с Карлом тогда ездили в путешествие по Новой Зеландии, катались на виндсерфинге, сплавливались по горной реке, а вечерами танцы на пляже. И что она никогда не чувствовала себя лучше чем в то время, не чувствовала себя такой сильной, красивой и

счастливой.

Элизабет была уже очень слаба, и эти процедуры по переносу ее личности давались ей все сложнее, но она крепилась. Карл, после того как она дала согласие, думал, что она все поняла и оценила тот шанс, что выпал ей. Цифровое бессмертие, она будет первым человеком, кто перенесет свою личность в цифровую форму и не исчезнет без следа, как все предыдущие поколения. То что корпорация тратит огромные ресурсы для нее и лучшие ученые умы, не должно не вызывать благодарности в ответ. Но для нее все виделось не так безоблачно. И Карлу пришлось в этом убедиться.

В эти последние недели она уже не ездила в лабораторию, а вся работа велась у них дома. Для этого пришлось немного переоборудовать спортзал на первом этаже, туда принесли специальную кушетку для Элизабет и сложное медицинское оборудование, в том числе новейшие разработки корпорации.

Как-то вечером Карл зашел к ней, сегодня все процедуры были закончена и Элизабет отдыхала на кушетке. Она сильно похудела и осунулась за последнее время, глаза запали, нос заострился, скулы на бледном лице стали отчетливо видны. Сердце у Карла сжалось, когда он увидел ее. Несмотря на все успехи эксперимента по переносу ее личности, предчувствие скорого конца нависало все отчетливее, и он видел, что она страдает все сильнее с каждым прожитым днем.

Хотя Карл много работал эти месяцы, мало спал и не да-

вал себе времени на меланхолию, но гнетущее ощущение в груди, эта тяжесть на сердце, все усиливалась. Он даже начал принимать снотворное чтобы заснуть ночью. Приближавшаяся смерть была страшна! Так же как вера в загробную жизнь или в реинкарнацию у религиозных людей, так и теория о цифровом бессмертии жалобно съеживалась и отступала под ее ледяным дыханием. Смерть наступала с неумолимой отчетливостью и заполняла собой все, и не было уже места извечным наивным надеждам человека. Да есть ли какая-то загробная жизнь? Возможно ли цифровое бессмертие? И не было ответа, был только леденящий страх.

Карлу казалось, что он явственно ощущает этот холод смерти когда находится рядом с женой. Он подошел к ней и взял ее за руку. Она уже задремала, но тот час открыла глаза и посмотрела на него измученным взглядом.

– Чарли, это ты?

– Я здесь, Лизи.

– Я так устала, Чарли.

– Я знаю, потерпи, дорогая.

– Потерпеть? Зачем, Чарли? Это все бесполезно! Что вы хотите от меня? Оставьте меня в покое наконец!

– Лизи, я понимаю, но у нас нет другого выхода...

– У нас или у вас? У меня вообще нет никакого выхода! – из ее глаз покатились слезы. – Я скоро умру, Чарли! Зачем мне все это?

– Ты не умрешь...

– Нет! Я умру! Не лги! А вся эта ваша возня не ради меня. Вы ставите надо мной свои опыты, хотите создать искусственную жизнь, мечтаете о славе, что у вашей бл**ой корпорации взлетят акции до небес. Разве не так? Я слышу разговоры твоих коллег, когда они думают, что я заснула. Они так рады, так счастливы!

– Лизи...

– Не надо меня успокаивать! Я все понимаю, и ты все понимаешь. Да, это будет прорыв в науке, я войду в историю, Перельман и все вы тоже войдете. Но я умираю, зачем мне все это! Зачем?! Я лежу здесь, как лабораторная крыса, вы ставите на мне опыты, утешаете меня байками о цифровом бессмертии. Но на самом деле вы просто хотите получить ваши чертовы премии, прославиться... А то что я умру никому нет дела!

Она зарыдала. Рыдать в голос ей не хватало сил, и ее плач был таким жалким, что у Карла все сжалось в груди, так что он стиснул кулаки и закусил губу. Через какое-то время Лизи замолкла на мгновение, а потом снова заговорила обиженным слабым голосом, как у ребенка:

– Эта женщина, эта цифровая личность, она будет в точности как я, но это буду не я. И цифровое бессмертие будет для нее, а не для меня, – она быстро взглянула на Карла, и в глазах ее вспыхнули гнев и обида. – А у тебя будет новая жена, здоровая, полная сил, не та развалюха, что сейчас здесь

лежит! И она не будет стариться и будет умнее меня, и... Ты будешь с ней счастлив! Мерзавец!

Она снова зарыдала. Карл не знал что ответить ей, даже не знал что ответить себе, он сидел рядом, вытирая рукавом катившиеся из его глаз слезы и гладил ее по руке. Вдруг Лизи замолкла и судорожно сжала его руку.

– Чарли, мне страшно! Как мне страшно, если бы ты знал! Иногда кажется, что даже во сне под наркотиками этот страх не исчезает и мучает меня. Эти твои болваны ходят каждый день, задают свои дурацкие вопросы, подключают свои приборы. А я уже не могу отвечать на их вопросы. Я постоянно, каждую минуту думаю, что скоро умру.

И она зарыдала снова, слабо и тихо, но при этом так горько.

– Почему, Чарли?! За что?! Ваша наука научилась замедлять старение и лечить практически все болезни. Сейчас многие активно живут до ста лет и дольше, а мне всего тридцать два года, я еще ничего не успела, я не увижу как вырастут мои дети, я не открыла свою ветеринарную клинику, все надежды, все планы... Почему, Чарли? Ведь ты такой умный, твои друзья гении, а я умираю. Почему вы не спасли меня?! Почему-у-у! – она снова зашлась в рыданиях.

К кушетке подошла медсестра и впрыснула в капельницу Лизи успокоительное. Элизабет плакала еще пару минут, но все тише, наконец она затихла и уснула.

Карл словно оглушенный вышел из спортзала, зашел в

ванную, открыл кран, сел в углу, уткнул голову в колени и зарыдал. Он рыдал долго, всхлипывая как маленький ребенок, вся его рациональность, вся вера в науку и в их эксперимент, все это словно рассыпалось в прах. Теперь он не верил ни во что: цифровое бессмертие, научный прогресс, – все это те же миражи, те же идолы, к которым беспомощный человек кидается в надежде спастись от смерти. Как двести, как тысячу лет назад. И все эти надежды тщетны, что тогда, что сейчас. Его любимая жена умирала, и он не мог ничего сделать. Таким несчастным и бессильным он не чувствовал себя никогда.

Глава 6

И вот неизбежное произошло. В один из дней Элизабет заснула под воздействием лекарств, и измученный болезнью организм стал отказывать. Ее дыхание стало редким и прерывистым, сердце билось все слабее. Через пару часов все было кончено. Карл сидел рядом с кушеткой, держал ее холодную руку и горько плакал...

Вскоре после этого последние воспоминания умирающей Элизабет загрузили на квантовый мозг, и еще несколько дней настраивали ее кибернетическое тело. Квантовый мозг с личностью Элизабет поместили в голову ее нового тела, и через неделю после ее смерти наконец запустили его.

Внешне ее тело и лицо были воспроизведены практически идеально. Сразу после пробуждения с Элизабет были проведены различные тесты на интеллект, эмоции и разные психологические реакции. И вроде все было нормально – ее результаты были вполне схожи с результатами стандартного человека.

Первые несколько дней с ней контактировали только специалисты: обследовали, проводили тесты, тонкую настройку жизненных систем. Наконец Перельман сказал Карлу, что вроде бы все нормально, переход свершился, и проснувшаяся Элизабет ведет себя как нормальный живой человек.

«Взгляни на нее сам. Лучше тебя никто не оценит результат нашей работы» – сказал он.

И вот, на пятый день после пробуждения, Карл с бьющимся от волнения сердцем вошел в палату к жене. Она сидела в лабораторном кресле, спиной к нему, к ней были подсоединены какие-то датчики. Карл подошел ближе и остановился, не зная что делать дальше. Некоторое время он смотрел на нее, а потом несмело произнес:

– Элизабет...

Она приподнялась в кресле и обернулась к нему, они встретились глазами. По спине Карла пробежал мороз. Та кто сидела в кресле была очень похожа на Элизабет: лицо, фигура, движения. Но глаза были другими. Цвет и разрез были такими же, но все же это были глаза не его жены и даже не глаза человека. Хотя Карл сам участвовал в создании тела для нее и более-менее знал его особенности, но подсознательно он, вероятно, ожидал, что увидит прежнюю, ничуть не изменившуюся Лизи, которая радостно кинется к нему на шею, и они счастливые в обнимку пойдут домой.

Но сейчас он увидел, что это была не та Элизабет, что осталась у него в памяти. Это была не она, несмотря на все внешнее сходство. Другой взгляд и что-то еще неуловимое. Еще секунду, и Карл бы не выдержал напряжения, повернулся и в страхе убежал прочь. Но тут Элизабет заговорила:

– Чарли! Почему ты так долго не приходил?! Я так ску-

чала здесь одна! Мне все кажется таким необычным, даже я сама, – и она посмотрела на свою руку.

Карл не ответил. Элизабет встала с кресла и подошла к нему, ласково улыбаясь. Но он все стоял с растерянным лицом и не решался заговорить. Элизабет заметила это, и улыбка ее стала другой, насмешливой и грустной.

– Извини, я кажется напугала тебя? Доктор Перельман говорил, что такое может произойти. Что понадобится время, чтобы ты привык.

Карл молчал и смотрел на нее, изучая. Голос, интонации, манера разговора, фразы, все было как у его жены. И что самое главное, она могла испытывать эмпатию – тут же распознала его испуг и смогла правильно оценить. Наконец он произнес:

– Лизи... дорогая.... Эмм... извини. Я так рад видеть тебя! Рад, что с тобой все хорошо. Я бы пришел раньше, но Григори попросил подождать. Столько всего случилось с нами...

Он нерешительно поднял руки и положил на плечи Элизабет, она улыбнулась обняла его и прижалась, положив голову на его плечо. Тело ее было теплым, грудь мягкой, так же как у прежней Элизабет. Только запаха не было никакого. Карл погладил ее волосы, мягкие и натуральные, родные волосы Элизабет. Ее тело было воссоздано почти безупречно, движения четкие и плавные, как у человека. Походка, жесты – все было от прежней Элизабет. Робость Карла начал проходить и он почувствовал сильное волнение, так что тело

начало мелко дрожать. Элизабет это почувствовала и снова улыбнулась.

– Ты все еще боишься меня? Дорогой, не волнуйся, даже если мой процессор вдруг заглохнет, в меня загрузили три закона робототехники. Так что ты в безопасности.

– Что?! Тебе загрузили три закона робототехники? – спросил Карл изумленным голосом.

Элизабет в ответ звонко рассмеялась, и он понял, что она шутит. Значит чувство юмора у нее есть, и привычка подшучивать над ним тоже, как и у прежней Лизи. Он засмеялся вместе с ней.

Они стояли в лаборатории еще полчаса и общались. И чем дольше они общались, чем дольше Карл наблюдал за своей воскресшей женой, тем светлее становилось у него на душе. Первое тяжелое впечатление улетучилось, и он все сильнее восхищался как новая Элизабет в совершенстве соответствует прежней, той самой Лизи, которую он любил. Она помнила все что произошло, осознавала себя, что она Элизабет, его жена, совершившая цифровой переход и теперь ожившая с помощью квантового мозга.

В итоге они в самом радужном настроении поехали домой. Карл упросил отпустить их, хотя Перельман рекомендовал побыть в лаборатории еще несколько дней. В пути они много болтали и шутили, хотя Карл больше молчал, слушал «воскресшую» Элизабет и наблюдал за ней.

Чувство радости все сильнее наполняло его, через

несколько дней оно перешло в ту самую эйфорию. Ему казалось, что он снова влюблен в свою жену, той самой первой любовью, как одиннадцать лет назад. Она тоже была весела, оживлена и очень нежна с ним. После долгих месяцев мучений и страданий, казалось жизнь дала им еще один шанс. Хотя почему жизнь? Наука! Она дала им шанс! Она победила смерть! От этого Карл был счастлив вдвойне. Люди все ближе подходили к решению проблемы бессмертия, не нужно больше выдумывать богов и просить у них здоровья и спасения от смерти. Люди теперь сами могли все!

Первый месяц или даже полтора он пребывал в этой эйфории. Они сделали это! Какой прорыв в науке! Перельман мог рассчитывать на Нобелевскую премию, и его Элизабет осталась с ним, смерть была побеждена! То что Элизабет теперь не будет стареть и болеть тоже радовало его.

Конечно не все было так идеально. Карл замечал отличия новой Элизабет по сравнению с тем, какой она была раньше. Самое первое, на что он обратил внимание еще в лаборатории, – это глаза. В глазах людей, даже самых глупых и недалеких, будто отражалась их мыслительная деятельность. Глаза – зеркало души, как говорила пословица. Но глаза новой Элизабет уже не передавали ее мысли. Она могла расширять их от удивления, прищуривать при размышлении и смехе, даже электронный зрачок обладал способностью к аккомодации. Но все же эти глаза были пустыми, не человеческими, никакой души в них не было видно.

Карл вспоминал фильмы про роботов. В большинстве из них играли настоящие актеры, лишь в фильмах двадцать первого века их стала иногда заменять анимация. Актеры старались сделать лицо холодным и безэмоциональным, а взгляд стеклянным. Кто-то пытался имитировать угловатые движения и походку роботов. В одном популярном фильме двадцатого века актер изображал робота-убийцу, и в конце фильма половина лица у него была повреждена, так что виднелся только металлический череп. Но все равно, даже по оставшейся половине лица было видно, что это человек. А в реальности создать искусственного человека похожего на настоящего оказалось намного сложнее, чем актеру изобразить робота.

Так же появились отличия в их образе жизни, Элизабет теперь не ела и не спала, но должна была время от времени подзаряжать аккумулятор и переходить в состояние покоя для обновления памяти и устранения ошибок в квантовом процессоре. Это чем-то напоминало медитацию, она садилась на коврик с прямой спиной и сидела так несколько минут, закрыв глаза. Кроме того ее память и скорость мышления намного усилились, так что Карл иногда ощущал себя туподумом рядом с ней. Играть с ней в шахматы, покер или отгадывать вопросы викторины было совершенно безнадежным занятием. Так же первое время некоторые движения, связанные со сложной координацией и мелкой моторикой, она не могла сделать или делала их очень неуклю-

же. Впрочем она быстро училась. Биомеханика ее тела была очень близка к человеческой, а все неточности быстро дорабатывали специалисты из Регенширм.

Но Карл не унывал из-за всего этого, живут же люди с парализованными, обожженными и другими утратившими первоначальный облик родственниками. В конце концов технологии не стояли на месте, и в будущем можно было ожидать, что глаза и другие особенности кибернетических людей будут все лучше повторять человеческие.

Эйфория продолжалась месяц-полтора. Карл как раз взял отпуск на четыре недели, чтобы проводить больше времени с женой. Так же ему требовался отдых и восстановление после напряженной работы в течении полугода.

В течение месяца они с Элизабет проводили все время вместе, гуляли, танцевали (сначала ей было трудно управляться с новым телом, но она быстро все вспомнила), и говорили обо всем. Хотя к ним почти каждый день продолжали приходить ученые для наблюдения за состоянием Элизабет, но это их не сильно беспокоило. Это были пустяки, они были вполне счастливы. У нового тела Элизабет даже были эрогенные зоны, там где полагалось, ее либидо также было воссоздано, так что они могли заниматься любовью. Хотя было не так просто среплицировать ее сексуальные эмоции и реакции тела, пришлось даже пригласить известного сексолога, профессора Ингрид Степмен, для консультации.

Но их медовый месяц, как и все другие, закончился, и постепенно началось отрезвление. Карл начал замечать, что Элизабет поменялась не только снаружи, но и внутренне. Иногда ему даже казалось, что несмотря на все сходство с его женой с ним живет совершенно посторонняя женщина. А может даже и не женщина. И что самое грустное – она явно старалась быть прежней Элизабет, разговаривала как она, без конца говорила, как рада снова быть со своей семьей, часто вспоминала разные моменты из их прошлого, общих знакомых и родственников, подолгу рассматривала семейные фото и видео архивы, изучая в них себя, детей и его. Но все это было словно вымучено. Как будто она сама сомневалась в том, что она его жена, но пыталась изо всех сил соответствовать ожиданиям Карла.

Дети, которые воспринимали все непосредственно, с самого начала недоверчиво отнеслись к новой маме. А потом и вовсе начали избегать ее.

Карл пытался поговорить с ними, и дети каким-то образом обо всем догадались, хотя им никто не рассказывал про эксперимент и про смерть матери.

– Леон, Мэлани, что такое? Почему вы так ведете себя с мамой, молчите, убегаете?

– Мама стала такой странной... – сказал Леон, поглядывая на отца исподлобья.

– Да, наша мама стала роботом! – сказала Мэлани.

– Нет, ваша мама не стала роботом! – сказал Карл как

можно более убедительным тоном. – Я же вам говорил: мама заболела, а мы ее лечили. Вы же сами видели, как она сильно болела. Вы еще маленькие и сейчас не поймете как мы вылечили ее, но когда подрастете, я вам все расскажу.

– Она не ест и не спит, и так странно смотрит... – начал Леон.

– Это потому что она сильно болела. Ее тело изменилось из-за этого, она теперь не может есть и спать и еще что-то делать как раньше. Но это ваша мама, та же, что и была. Разве вы не любите маму?

– Любим, – ответили дети.

– Вы верите своему папе?

– Да, папа, верим.

– Тогда перестаньте огорчать маму, она вас очень любит и очень огорчена, что вы ведете себя с ней как дикари.

Дети обещали не огорчать ее, но их поведение почти не изменилось. Видимо, они все же не поверили отцу. Наверно потому, что он и сам не очень верил себе, когда убеждал их, что мама не робот.

Глава 7

И вот, преследуемый мрачными мыслями, Карл рано утром в субботу выехал из дома и через несколько часов добрался до небольшого городка на озере, в котором жили его родители. Родители жили в живописном месте, не более десяти тысяч человек жителей, на берегу прекрасного озера, почти посередине Европы. Их дом был старый, но уютный, с хорошим ремонтом, оснащенный всеми новинками техники, от климат-контроля до кухонной автоматической станции.

Пока ехал, он вспоминал тот разговор с женой два дня назад, когда она спросила – почему он так изменился, и обдумывал все, что произошло в их жизни за эти месяцы. Здесь в тишине, среди умиротворяющих видов природы он надеялся все обдумать и понять, что ему делать дальше.

Но вот он уже подъезжал к дому родителей, Карл открыл ворота и заехал во двор. На летней веранде сидела его мать в легкой юбке и домашней футболке и читала книгу. Карл подошел к ней, наклонился и поцеловал в щеку. Мать приподнялась и обняла его за плечи.

– Здравствуй, сынок!

– Привет, мама. Как дела у тебя, как папа?

– Все хорошо у нас, все хорошо. Папа на рыбалке должно быть, или просто сидит у воды. Как дела у тебя? Как мои дорогие Лео и Мэл?

– Все хорошо. Лео закончил второй класс, Мэлани тоже растет, красавица будет, как ее мама. Как-нибудь приедем к вам всей семьей, увидишь.

– Ее мама... А как она, Элизабет?

– Все хорошо, – отвечал Карл опустив глаза.

– Хорошо? Господи, сынок, я так переживала когда она заболела. А потом умерла. А сейчас... ты привык к ней?

– Привык? К чему? Она все также моя жена и мать твоих внуков. Это вам пора уже привыкнуть.

– Я знаю, сынок. Я рада за вас, что вы справились, что Элизабет живет хоть вот так... Генри только сердится на вас. А я ничего.

– С отцом я поговорю, мама. А тебе спасибо, ты у меня умница. Я наверно в тебя пошел, – сказал он с улыбкой и поцеловал ее. Мать тоже улыбнулась и ласково потрепала его по голове.

– Молодец ты у нас, сынок, умным вырос, ученым стал. Как папа, но как по мне, ты еще умнее. Вон какие чудеса делаете, людей к жизни возвращаете.

– Спасибо, мама, спасибо. Стараемся. Отец на озеро пошел? Наверно у пристани. Я схожу прогуляюсь?

– Иди, сынок. Он там. Гуляет. Погода хорошая сегодня.

Карл пошел по дорожке, что спускалась к озеру. Мест-

ность сплошь была усеяна коттеджами и маленькими дачными домиками на любой вкус. Отпускной сезон еще не начался, но было уже тепло и солнечно. У озера гуляли люди, сидели рыбаки с удочками, по воде плавали прогулочные велосельные лодки. Вскоре он нашел отца, Генри Джон стоял на пирсе и смотрел на воду, прищурив глаза. Ветер трепал его седые волосы.

– Привет, папа.

Отец обернулся.

– Привет, Чарли.

Карл подошел к нему и они обнялись.

– Ты один приехал?

– Да, пока что один. Мама сказала, что ты здесь.

– Понятно. Погода хорошая, гуляю почти целыми днями, – сказал Генри Джон, глядя на сына умными синими глазами, прищуренными от ветра. – Мишель больше сидит возле дома, но иногда она тоже идет сюда, и мы гуляем по берегу или берем лодку и катаемся.

– У вас все как обычно, – с улыбкой сказал Карл, – Красота, чистый воздух, синее озеро и синее небо. Настроивает на философский лад.

Генри Джон усмехнулся и приобнял сына за плечо.

– Ну пойдем прогуляемся, сын, пофилософствуем.

Они не торопясь пошли вдоль берега.

– Ну, что скажешь нового, Чарли? Это у нас все по старинке, а у тебя жизнь другая совсем. Одни чудеса науки и

высокие технологии. Как они поживают?

– Хорошо поживают, папа. Если ты про Элизабет.

– Ну хорошо если так. Рад за тебя. Если ты счастлив жить такой жизнью, то твое право. А я порадуюсь за сына.

– Какой это «такой жизнью»? – спросил Карл.

– Какой? Сам знаешь какой.

– Ты так говоришь, будто в моей жизни есть что-то плохое. Будто я живу воровством или торгую наркотиками.

– Я не осуждаю твою жизнь, совсем нет. Наверно это мои стариковские заморочки – поучить жизни младшее поколение.

– Нет, папа, ты именно осуждаешь. Как обычно, – сказал Карл немного нетерпеливым тоном. – Мне казалось, что уже пора бы привыкнуть. Тем более, что ты образованный человек, профессор. Под твоим влиянием я и увлекся наукой. А теперь ты вдруг стал каким-то нетерпимым консерватором.

– Консерватором? Ну мне полагается быть немного консерватором, хотя бы по возрасту.

– Разве возраст как-то может поменять веру в прогресс и научное мышление?

– Не может, и я обеими руками за прогресс и науку. Но кое-что я принять не могу, видать слишком стар, – он поколебался секунду, потом произнес, глядя в сторону. – Например, чтобы кто-то жил с роботом и называл его своей женой.

Карл вспыхнул.

– Я попросил бы не говорить так о Элизабет!

– Ты сам начал этот разговор. Все хочешь меня переубедить.

– Нисколько! Я просто прошу проявлять уважение ко мне и членам моей семьи!

– Чарли, а я прошу проявлять уважение к моим взглядам. Я человек толерантный на сколько можно. Студентом ходил на демонстрации в защиту прав трансгендеров. Но куда вы замахнулись – это уже не вмещается в мое миропонимание.

– И в чем же разница? – спросил Карл уже совсем раздраженным голосом.

– А я объясню тебе разницу, – отвечал Генри Джон, тоже раздражаясь, – одно дело кем человек себя считает и с кем он спит. А другое – когда роботов начинают выдавать за людей. Бездушные железки...

– А я поражаюсь твоему упрямству! Я тебе много раз объяснял, что такое – это цифровое бессмертие, и кем теперь стала моя жена. Но ты заладил одну пластинку про роботов, словно из принципа. Элизабет чем-то тебе не угодила? Ты не доволен, что она не умерла как другие на ее месте, а стала жить в кибернетическом теле? – сказал Карл и остановился, сердито глядя на отца.

– Чарли, все должно проходить естественно, как было до этого столетиями. Ты же у нас поклонник науки, так неужели ты думаешь, что природа ошиблась, когда создала людей и другие формы жизни смертными? Люди рождаются, люди умирают, меняются поколения, и это естественно, так долж-

но быть. А что вы хотите сделать? Люди перестанут умирать, станут жить в компьютерах. Неее, это вряд ли, в компьютерах. Все захотят переселиться в роботов, как твоя жена. Новые люди рождаются, а старые становятся роботами. И так из поколения в поколение. И где им всем жить? На Земле уже и так перенаселение.

– Ну во-первых, людям с кибернетическими телами не нужна еда, да и воздух почти не нужен. Объедать биологических людей они не будут.

– Но ресурсы они все равно будут потреблять. Энергия, ремонт и прочее. А сколько стоит создать искусственное тело, как у твоей жены? Я думаю, ты и сам не знаешь, корпорация оплатила. Но я уверен, что за эти деньги можно вырастить, прокормить и обучить сотни обычных людей.

– Ты сам знаешь, что любая технология, по мере ее внедрения в массовое производство, становится дешевле. К тому же представь, какая экономическая выгода, когда ученые, инженеры и высококвалифицированные профессионалы не будут стареть и умирать, а будут продолжать работать. Возможно даже эффективнее чем раньше, – сказал Карл.

– Даже если твои андройды не будут ни есть, ни пить и питаться от солнечных батарей, то место в пространстве они все равно будут занимать. И не только в пространстве, как пылесос или автомобиль, они будут занимать рабочие места, будут покупать себе дома и землю. Куда деваться нам, обычным людям? Чтобы Земля не лопнула, нужно будет запре-

тить деторождение. Так, что ли?

– У этой проблемы есть изящное решение, и не просто решение, а прорыв нашей цивилизации. Как ты знаешь, компания «Спэйс Икс» уже давно летает на Марс и готовит его к колонизации. Почти все технические моменты решены. Была только проблема, что людям и вообще биологическим формам на Марсе трудно выживать. Сейчас астронавты там могут провести только пару месяцев и летят обратно. Но тем кто будет в кибернетических телах, радиация и отсутствие кислорода не проблема. Вот так и решим вопрос с перенаселением Земли. Сначала Марс, потом галилеевские спутники Юпитера. Мы наконец станем космической цивилизацией. За этим будущее!

– Хм, понятно, планы у вас наполеоновские. А их главный, этот сумасшедший старик из «Спэйс Икс», как его, Илон Маск, он наверно тоже мечтает переселиться в тело робота и жить дальше? – с усмешкой спросил Генри Джон.

– Этого я не знаю, информация о кандидатах на цифровое бессмертие конфиденциальна. Но я уверен, что Маск захочет совершить переход, как только он станет доступен, тем более, что он наш акционер. А после этого полетит на Марс и возглавит там первую колонию людей. Это была мечта всей его жизни. И благодаря нам она может осуществиться.

– Колонию роботов, а не людей.

– Нет, людей. Роботы – это мусороуборщики, погрузчики, чистильщики, курьеры, водолазы и прочие железяки с набо-

ром алгоритмов, а те кого создаем мы – это люди. Необычные, но люди. Фрэнк, парень из нашей научной группы, предложил назвать их мета-людьми.

– Чарли, да вот с чего вы назначили этих созданий людьми? По какому праву они люди?

– А почему они не люди?

– Потому что, как я понял из твоих объяснений, это компьютерные программы. Пусть очень сложные, пусть точно имитирующие людей, но программы, а не люди.

– Да? Ну а люди кто по твоему? Вот эти, биологические, настоящие? Чем они лучше программ? Они какие-то высшие существа? Ты знаешь, я не верю в душу, искру богов и прочую мистику. И как ученый могу тебе сказать, что люди – это такие же биороботы, с процессором из нервных клеток, с памятью и с набором алгоритмов поведения, которые биологи называют рефлексамии. Мы же просто воспроизводим такой же процессор, но не из хлипкой биологической материи, а намного более надежный и эффективный. Люди с квантовым мозгом так же думают, чувствуют, фантазируют, испытывают радость и грусть, вспоминают прошлое и о мечтают будущем, они могут любить и ненавидеть...

– Но не едят, не спят, не устают, не забывают, не ошибаются, и думают со скоростью миллион мыслей в секунду. Ты хвалился, что эти твои мета-люди лишены всех недостатков людей, суперумные, супербыстрые. А как по мне, эти недостатки и делают нас людьми. А эти твои ходячие компьютеры

– кто угодно, только не люди. А к чему это приведет, ты подумал? Может и права им дать как у обычных людей? Пусть голосуют на выборах, занимают должности, судятся с обычными людьми. Вы не думаете, что возникнет новая каста, которая начнет бороться за власть с биологическими людьми? А так как они будут сверх умными, бессмертными и прочие преимущества, что вы им обеспечите, то кто победит, как думаешь? – говорил Генри Джон, горячо жестикулируя рукой.

– Так же говорили и про первую пересадку сердца, что человек с чужим или искусственным сердцем – уже не вполне человек. И про Луизу Браун, первого ребенка, зачатого искусственным оплодотворением. А в наше время даже людей с искусственными конечностями, глазами, печенью, нейрочипами в голове признают людьми. А на счет новой касты и вражды с обычными людьми, то такое может случиться только из-за таких упертых консерваторов как ты, которые выделяют мета-людей в отдельную группу, начнут ограничивать их права, дискриминировать, отводить отдельные места в автобусах, районы в городах и так далее. Историю двадцатого века ты знаешь лучше меня. Все в этом мире развивается. Природа создала людей с помощью эволюции за миллионы лет, и люди начали свою эволюцию, неббиологическую, – создали орудия труда, машины, протезы, импланты. Мы уже давно не биологические существа, уже тысячи лет не бегаем по саванне с дубинами, и сейчас мы просто переходим на

новый уровень в своей небиологической эволюции.

– Но где-то должен быть предел. Во всех этих случаях человек оставался человеком, он не подменялся машиной. Одно дело, когда машины служат орудиями человека, но другое дело, когда они заменяют людей.

– Машины не заменяют людей, мы с помощью машин совершенствуем сами себя. Мета-люди – это не машины, они не бездушные железяки, способные лишь исполнять команды, пока не уйдут на металлолом. Они как мы, они думают, чувствуют, планируют, у них есть сознание... – сказал Карл.

– Сознание? А кто установил, что оно у них есть. Вот я сознаю себя, ты тоже. Мы даже не можем объяснить как, но сознаем. А они? Они могут это? Компьютеры и пятьдесят лет назад уже были намного умнее людей, но сознания у них не было, и никакая мощность процессора им это сознание не давала. Даже когда появился искусственный интеллект, нейросети и прочее. Чем же твои цифровые люди лучше их? Тем что могут изображать эмоции, мечтать, философствовать, но могут ли они осознавать себя? Скорее всего они даже не понимают что это вообще такое.

– Сознать себя? А что такое сознание? Где оно? Чем измеряется? Жизнь – это сумма всех химических процессов в организме. А сознание – это сумма всех нервных процессов. Вот и все. И не важно где происходят эти процессы, в биологическом мозге или в квантовом. Но факт, что сознание исчезает со смертью мозга. Или нет? Или оно где-то летает, в

эфире там, в загробном мире? А мы оставляем сознание человека здесь, в нашем мире, а не во всяких выдуманных Эдемах или Вальгалах. Мы не обманываем людей сказками про богов и загробную жизнь, а говорим все как есть: ваше биологическое сознание исчезнет, но квантовый мозг воспроизведет его снова, и такой же человек как вы будет жить дальше, будет любить, то что вы любили, мечтать о том, о чем мечтали вы, и доделывать то, что вы не успели. Где здесь обман? Это лучшее, что можно предложить смертному человечеству. Те, кто верит в религиозные байки, мы переубеждать не будем, пусть надеются на воскресение из мертвых и Рай. Но я думаю, они не дождутся воскрешения. Потому что их боги воскрешают людей только на страницах их священных книг, а в реальности ни один человек еще не воскрес. А мы будем воскрешать людей по-настоящему! Элизабет жива и она здесь со мной! Не порхает где-то на облачке, а здесь и будет жить сколько угодно долго! И мы всегда будем вместе!

– Ну флаг вам в руки! Будете вместе, ну и живите жестянными болванками, обманывайте людей! А мы с твоей матерью, как срок подойдет, ляжем рядом на кладбище в нашем родном городке. Хотя и ты тоже там будешь, на глубине полтора метра, никуда нам не деться от этого, всякий живущий умрет. Как бы ты не наделся на твою науку.

– Тело да, будет лежать, если я его не кремирую. А я сам буду жить столько сколько захочу, буду работать на любимой работе, наслаждаться жизнью, не стареть и не болеть вместе

с моей Лизи.

– Ой ли? Ты это будешь или твоя копия?

– Какая, в конечном счете, разница? Юридически и психологически это буду я. Я ничем не буду отличаться от себя в этом биологическом теле. Просто усну, а проснусь уже другим. Или другой проснется вместо меня. Но он не будет какой-то иной личностью, он будет моим продолжением, с моим сознанием, опытом, взглядами, и он будет продолжать мою жизнь. Даже если допустить, что я все же умру, так как умрет мой мозг, то я не буду мучиться перед смертью сожалением, что столько всего не успел, не закончил, не сказал. Что оставляю своих детей и внуков одних, что моя жена найдет себе другого. Все эти старые экзистенциальные проблемы цифровое бессмертие решает на корню. А бессмертие сознания, ты знаешь, я материалист, я не верю в душу и что человеческое сознание это что-то непостижимое и уникальное. Сознание – это продукт высшей нервной деятельности нашего мозга. А страх смерти и небытия – это просто инстинкт самосохранения, проявляющийся себя через наше слишком сложное и умное сознание, когда он окрашивается нашими эмоциями и мрачными рассуждениями. Человеческая личность, с ее опытом, интеллектом, талантами – только она имеет ценность и именно она заслуживает бессмертия.

Глава 8

Карл вернулся домой после работы, Элизабет ждала его в столовой. Как только он переоделся, умылся и вошел в столовую она заговорила:

– Привет, дорогой, как прошел день? Как съездил к родителям? Ты так и не рассказал вчера.

– Все хорошо, спасибо. Съездил замечательно, – отвечал он. – Тебе привет от них.

– Спасибо. Ты нашел там ответы на мучившие тебя вопросы? – спросила она, не глядя на него.

– Мучившие вопросы? – Карл сделал было удивленный вид, но взглянув на Элизабет, вздохнул, замолчал и сел напротив жены. Он посмотрел ей в глаза, она смотрела на него. Он покачал головой.

– Нет. Не нашел. Я говорил с родителями, отдыхал, ну и так, думал... о всяких пустяках.

– Я тоже думала.

Они помолчали

– Чарли, давай поговорим обо всем на чистоту. Не бойся обидеть меня или что я не пойму. Я не знаю – Элизабет я и вообще человек ли, но я многое могу понять, как мне кажется.

Карл нахмурился, в глазах его появилось беспомощное выражение, он даже немного втянул голову в плечи, словно

желая спрятаться. Элизабет улыбнулась.

– Не бойся. Ну что ты так боишься? Боишься обидеть меня? Не стоит. У меня не будет депрессии или истерики, хотя я могу испытывать печаль, боль и прочие негативные эмоции, но впадать в отчаяние и безумие от сильных эмоций я не могу. Я ведь помню все это из прошлой жизни, как это было у Элизабет... Не знаю, такой меня сделали специально, или просто не смогли воссоздать такие слишком человеческие чувства. Но знаешь, если бы я могла испытывать такие же сильные боль и отчаяние, какие испытывала Элизабет накануне смерти... Наверно я просто не смогла бы жить. Ведь это так... шокирующе: воскреснуть в новом теле и продолжать жить уже не человеком. Но при этом все понимать и сознавать. Наверное я бы сошла с ума. Будь мой ум в обычном мозге, а не в квантовом.

Карл слушал ее опустив голову.

– Искусственное сознание, искусственный разум. Я часто думаю – человек ли я? Мета-человек, как ты сказал. А может не человек вовсе, а просто усовершенствованная машина, наученная копировать человека? Иногда так сильно задумываюсь об этом, что словно зависаю и перестаю воспринимать окружающее. Это так странно. У настоящих людей бывает так? Когда я была живой, таких вопросов у меня не возникало, когда я заболела, то просто очень сильно боялась, но не сильно об этом думала. Хотя Перельман говорил, что людей часто мучают экзистенциальные вопросы. Может это

один из них? Экзистенциальный вопрос мета-человека: Для чего он продолжает жизнь кого-то из умерших настоящих людей? Для чего живет за него? Является ли он тем самым человеком и человеком вообще?

– Ты человек, раз у тебя есть сознание, чувства и тебя мучают такие вопросы, то ты точно человек, – прервал наконец молчание Карл.

– Может быть и так – грустно улыбнулась Элизабет. – Но что-то и не совсем так, так как ты ожидал. Правда?

– Не знаю, я не могу пока что все осознать и понять.

– Я все таки отличаюсь от человека и биологических организмов. Я не нуждаюсь в еде, хотя помню и вкус еды и чувство голода. Но теперь этого нет. И я не сплю, мне не нужно спать, это немного странно. Как назывался тот рассказ Филиппа Дика? «Снятся ли андроидам электроовцы». Нет, не снятся. Может мне написать научную статью об этом? – она улыбнулась. Веселый нрав, ее любовь вставлять шутку во время беседы осталось от прежней Элизабет.

– Нет, дело не в этом, – Карл покачал головой, – я все это знал и был готов. В конце концов я большую часть жизни провожу с роботами и компьютерами.

– В чем же дело? – спросила Элизабет. – Ты как будто разочаровался во мне. И чем больше проходит времени с момента моего появления, тем сильнее... Может дело в том, что я меняюсь?

Лицо Карла помрачнело от этих слов, словно они попали

в больную точку. Элизабет заметила это.

– Я так и подумала. Не хотела говорить тебе, чтобы не расстраивать. Но кажется я в самом деле меняюсь, и чем дальше, тем сильнее. Когда я только проснулась, то была на девяносто девять процентов прежней Элизабет. Психологически. Но потом стала меняться, новая Элизабет стала вытеснять прежнюю. Ты это почувствовал, а потом начал замечать признаки этих изменений. Да?

– Да, – твердо сказал Карл и взглянул на жену. – Так и есть. Но... это еще ничего не значит. Я по прежнему люблю тебя и считаю своей женой. И ничто не поменяет моих мыслей.

– Ты любишь меня... – она на мгновение задумалась. – Чарли, я давно думаю еще кое о чем. Как только я стала замечать эти изменения в тебе, что ты стал холоден и отстранен... Я подумала, что ты мне не веришь, не веришь, что я люблю тебя как раньше. Что раз в меня загрузили воспоминания и чувства Элизабет, я просто воспроизвожу их, как автомат. Просто потому что так положено. Ведь так относилась к тебе твоя прежняя жена, а я как бы должна стать ее продолжением. Я спрашивала себя – а может это в самом деле так? Может я ничего не чувствую к нему, и вообще неспособна любить, а только следуя заложенным в меня установкам от прежней личности? Раз она любила его, то и я делаю вид, что испытываю то же. А он это замечает и поэтому больше не может любить меня – бездушную подделку его жены, неспособную к чувствам. И знаешь, мне непросто было разо-

браться в себе. Но я попыталась, читала книги психологов. Я поняла, что могу любить, и я люблю тебя, люблю наших детей. И что вообще любить – это прекрасно. Может я люблю не так как прежняя Элизабет, но так как могу я, своим квантовым мозгом. Мне грустно когда тебя нет рядом, а когда мы вместе, то наоборот очень легко и весело. Я часто думаю о тебе и о нашей жизни в прошлом, и мне очень хорошо от этих воспоминаний. Когда я вижу тебя огорченным, мне самой становится плохо и я даже не могу читать книги. И оттого что ты изменился и уже не можешь любить меня, мне очень грустно. И страшно. Хотя я старалась не показывать это. Разве это не любовь? – она вздохнула. – Но если ты больше не любишь меня, то я не прошу тебя оставаться со мной. Ты можешь уйти, – на ее глазах появились слезы.

Карл порывисто подошел к ней и обнял.

– Лизи, дорогая! Я...

Она бросилась ему на грудь и прижалась. Тело Элизабет не было сильным, двигательные механизмы, при всей их сложности, были намного слабее человеческих мышц, хотя эту проблему можно было поправить в будущем. Но все равно, вряд ли мета-люди смогли бы стать такими же сильными как киборги в фильмах, обладавшие силой десяти человек. Было бы хорошо, чтобы их двигательная мощь хотя бы приблизилась к человеческой. Да физическая сила и не была нужна, сила требовалась для грубой работы, которую выполняли большие и громоздкие роботы, и от которой люди

все больше отстранялись.

Они стояли, держа друг друга в объятиях. Элизабет плакала, а Карл гладил ее волосы, целовал ее лоб, лицо, губы, мокрые глаза и думал. Решение уже созревало в его голове...

Глава 9

– Грегори, можно поговорить с тобой? – спросил Карл.

– Перельман взглянул на него своими пронизательными глазами и утвердительно кивнул:

– Да, Карл, конечно. Только дай мне пятнадцать минут, надо закончить одно важное вычисление.

– Конечно, Грег, я подожду тебя в фуд зоне за столиком.

Карл вышел из огромной, прекрасно оборудованной лаборатории цифрового трансперсонализма и спустился на лифте в низ, в просторный зал фуд зоны, где располагалось множество столиков и кухонь, готовивших самую разнообразную еду, помогавшую ученым мозгам как можно лучше работать. Через пятнадцать минут Перельман, как и обещал, спустился и присел за столик, где его ждал Карл.

– Грегори, ты сказал, что нам можно обращаться к тебе по любому вопросу... Что многое в этой теме цифрового бессмертия не совсем ясно, – начал Карл.

– Да, Чарли, многое еще не ясно, и конечно вопросы будут не только у вас, но и у всех нас. Мы провели эксперимент, но его результаты нам только предстоит изучить. Поэтому тебе не только нужно, но и необходимо обращаться с любым вопросом ко мне и к другим нашим светилам.

– Я сначала, признаться, не хотел думать ни о чем. Элизабет снова была со мной, и я просто был счастлив. Когда ты

счастлив, то думать не хочется, это даже опасно для счастья. Но теперь... Назрели определенные вопросы и даже сомнения.

Перельман молча смотрел на него и слушал с полным вниманием. Карл подумал несколько секунд, собираясь с мыслями.

– После трех месяцев нашей совместной жизни с... назовем ее «новой Элизабет», ты ведь знаешь, мы были женаты одиннадцать лет и изучили друг друга как пять пальцев. Так вот, сейчас, по прошествии трех месяцев, я могу сказать, что «новая Элизабет» – не моя жена. Не та женщина с которой я прожил все эти годы. И я имею в виду именно ее личность, а не тело, как ты понимаешь. Она определенно человек, у нее есть все признаки человеческой личности и сознания, и она ооочень похожа на Элизабет... Но это не она.

– Почему ты так решил?

– Это сложно объяснить какими-то фактами, это скорее интуитивное чувство. Ну знаешь как бывает, когда говоришь с хорошо знакомым человеком, который вроде бы выглядит как обычно, но чувствуешь, что с ним что-то не так. Хм... И это не мое предубеждение против «новой Элизабет», напротив, в начале мне казалось, что все превосходно, идеально! Моя жена вернулась из мертвых. Но потом, и чем дальше тем сильнее, я начал замечать что она... изменилась. Как будто от Элизабет в ней остается все меньше, а вместо нее появляется кто-то другой.

И Карл пересказал свой вчерашний разговор с женой. Перельман несколько секунд молчал, в задумчивости надувая щеки. Наконец он заговорил:

– Тааак. Понятно. Ну это было, в принципе, ожидаемо...

– Ожидаемо?

– Да. Видишь ли, Карл, мы ведь создавали личность. На основе личности твоей жены, но все же полноценную личность, которая может учиться, развиваться, меняться. А не просто андроида, имитирующего живую женщину, типа элитных секс-роботов из Японии. Эта личность имеет свободу выбора и может по разному реагировать на всякие жизненные события, произошедшие с ней. Тем более на такие экстремальные как смерть и возрождение в новой небиологической форме. Даже если бы твоя жена умерла, а потом воскресла, не цифровым бессмертием, а мистическим образом, как в Библии, то есть, со своим мозгом и своим телом, разве такой опыт никак бы не изменил ее?

– Ты думаешь в этом дело? – спросил Карл.

– Да, но у нас даже не такой случай. У нас все сложнее. Элизабет первый цифровой человек, или мета-человек, как придумали в вашей лаборатории. И она осознает это. Она так же осознает, что раньше, в прошлой жизни, она была обычным человеком, женщиной, твоей женой, матерью, ветеринаром, дочерью своих родителей. Она помнит все это, так же как это помнила Элизабет. И она помнит болезнь, свои страдания, свой предсмертный опыт, экзистенциальный страх,

смятение – все это. Хотя, строго говоря, это не ее опыт, но он достался ей в наследство. Помнит как она была человеком, а теперь она в кибернетическом теле и все сигналы органов чувств, ощущение своих эмоций, мыслей – все это изменилось. Ты этого не видел, но я помню как в первый день пробуждения она была напугана и растеряна, плакала несколько раз, даже просила отключить ее.

– Seriously?!

– Куда уж серьезнее. Так что не все так просто. Феномен цифровой жизни нам еще предстоит осмысливать. Нам – физикам, программистам, антропологам, философам.

А она после пробуждения ощутила все это на своей шкуре, она начала заново познавать мир и себя. Скорость мышления у нее изменилась, хоть мы и не делали ее такой же быстрой как у компьютеров, да и размер человеческой головы не позволяет установить большой процессор. Но все равно ее скорость мышления в сотни раз быстрее человеческой. Так же существенно выросли показатели IQ в стандартных тестах. Возможно изменились и способы познания тоже. Мы пока этого точно не знаем.

– На счет мышления, да. Она за последний месяц прочла несколько сотен книг. При том некоторые из них были весьма сложные, которые я скачиваю из нашей библиотеки: квантовая физика, новейшие языки программирования, теория струн, кибернетическая физиология. А раньше она в этом плавала и не интересовалась. А уж обычные книги она во-

обще может щелкать – толстый том за десять минут. И при этом все помнит.

Перельман сочувственно кивал головой словам Карла.

– Да, это все было ожидаемо. Человеческая личность с квантовым мозгом, с огромной скоростью мышления и памятью, с другим восприятием всего, уже без человеческого тела с его физиологией и проистекающих от нее ограничений и милых слабостей. Разве может такой человек во всем походить на обычного биологического человека? Разве он не начнет неизбежно изменяться и эволюционировать, согласно своей новой сущности? Я даже так скажу, Чарли: если бы Элизабет после пробуждения оказалась идеальной копией твоей жены, никак не поменялась и просто бы жила и радовала своего мужа, то я счел бы наш эксперимент неудачным. Это бы означало, что мы просто создали копию твоей жены, а не воскресили ее личность и сознание.

Карл ждал в приемной у директора, и вот секретарша сказала ему, что он может войти. Томас Андерсон как обычно сидел за столом, смотрел в экран монитора и о чем-то думал. Он мельком взглянул на вошедшего.

– Да, Карл, у тебя какое-то дело?

– Да, мистер Андерсон. Я изложил его на бумаге, вот, – он положил на стол директора лист белой бумаги с напечатанным текстом, – это что-то вроде заявления.

Андерсон поднял брови.

– О, бумажное обращение! Видимо, твое дело действительно серьезное.

Он взял лист и начал читать, где-то в середине текста, он нахмурился и с удивлением поднял глаза на Карла. Карл молчал, Андерсон продолжил читать, дочитал, перевернул лист, но вторая сторона была пустой. Тогда он вновь пробежал текст глазами, отложил листок и задумался.

– Присядь, Карл.

Карл сел в кресло напротив директора. Андерсон заговорил не сразу, наконец он глубоко вздохнул и посмотрел Карлу в глаза.

– Я даже не знаю что сказать. Карл, то что ты просишь – это что-то... – он задумался, подбирая слово, – что-то экстраординарное. Даже эксцентричное. Я уже не говорю, что все это сомнительно с точки зрения законности.

– По поводу закона, мистер Андерсон, я поговорил с юристом, в некоторых странах ЕС это можно сделать. А наша корпорация транснациональная.

– Может быть, но юридическая сторона здесь глубоко второстепенная. Главное здесь этический вопрос. Ты понимаешь меня? Молодой, здоровый мужчина совершает цифровой переход... Так не делается. Ты можешь подать заявку, как все другие. Что в случае моей смерти или тяжелого заболевания я хочу совершить цифровой переход и поручаю корпорации Регенширм провести все необходимые приготовления и процедуру перехода. Для тебя, как замечательного уче-

ного и сотрудника, который принял участие в таком грандиозном и успешном проекте, возможно это будет вообще бесплатно или по символической цене. Как ты знаешь, Перельмана номинировали на Нобелевскую, и по всем прогнозам он ее получит. А всем остальным ученым, в том числе вашему покорному слуге, будет персональная премия от корпорации и всевозможные льготы в течении жизни.

– Спасибо, но я не могу так долго ждать. Я вполне здоров и может проживу еще семьдесят лет. А я хочу быть с моей женой. И на том свете, – Карл усмехнулся и показал пальцем вверх, – и на этом. Но дело не только в моих личных чувствах, я хочу как ученый повторить этот эксперимент на себе. Тогда многие вопросы прояснятся.

– Это слабые аргументы для такого серьезного шага. Зачем торопить смерть, мы же наоборот стараемся ее отсрочить в наших лабораториях? Семьдесят лет – это не так уж много, а обратно уже не повернуть. Но пусть не семьдесят лет, но год-два надо подумать прежде чем делать такой шаг. Я же не говорю, чтобы отказаться вообще, думаю, большинство из наших положительно относятся к цифровому бессмертию и захотят совершить переход в свое время. Я сам склоняюсь к этому. Но прямо сейчас, в течение года, как ты написал...

– Я не тороплю смерть, я всего лишь приветствую новую жизнь. А обдумать... Что тут еще думать, мистер Андерсон? Либо мы принимаем идею цифрового бессмертия, либо это

все пустая болтовня, очередной эрзац загробной жизни, на которую все надеются, но никто по-настоящему не верит. Если даже мы, те кто воплотил эту мечту в жизнь, сомневаемся, боимся, то как мы можем рассчитывать, что человечество примет эту идею? Нет, не примет, она пройдет мимо и станет очередной маргинальной теорией бессмертия, вроде заморозки больных богачей в конце прошлого века. И наука затормозится на десятки или даже сотни лет, как уже не раз было в истории. Мы, ученые, должны следовать передовым идеям не только в наших кабинетах, но и на практике. И если нужно – рисковать собой. Как те ученые прошлых веков, кто на себе испытывал новые лекарства, как Пьер и Мари Кюри, которые работали с радиоактивными металлами без защиты.

– Карл, время романтических фанатиков-одинок прошло еще в начале двадцатого века. Сейчас солидная доказательная наука правит бал, а фанатизм только вредит. И наша работа очень перспективна, проблема жизни и смерти всегда будет волновать людей. Если ты не заметил, то акции нашей корпорации просто взлетели вверх. Это произошло как раз в то время, когда мы опубликовали первые отчеты о нашем эксперименте, еще весьма туманные. И интерес к нашей работе только возрастает. Так что твои опасения совершенно безосновательны. Кроме того я не вижу в твоей просьбе научной объективности и даже научной любознательности, а лишь личные эмоциональные причины. Так что, извини, моего согласия ты точно не получишь, так же как и боссов кор-

порации. А уж их я знаю.

Карл молчал с упрямым выражением на лице. Андерсон также помолчал с полминуты, а потом обратился к Карлу уже более мягким, отеческим тоном:

– Ну послушай, зачем так спешить, прошло всего полгода. Ты и Перельман считаете, что эксперимент удался, но Юровский и Фонштейнер не так уверены. Говорят, что наличие сознания у Элизабет не является достоверным фактом, что критерии успешного переноса личности имеют ряд слабостей и требуют корректировки. Нам нужно больше данных, а те что есть, не все до конца обработаны. Ты знаешь, в конце года будет большой научный симпозиум в Санкт-Петербурге, там будет весь свет науки: трансгуманисты, физики, биологи, кибернетики. Наш эксперимент будет там главным событием, вся наша научная группа поедет, я надеюсь, что и Элизабет не откажется. Давай подождем. Дождемся реакции научного сообщества, интеллектуальных лидеров и прочих влиятельных людей. А к этому времени наши данные будут более полными, предварительные выводы пройдут проверку...

Карл поднялся.

– Я вас понял, мистер Андерсон. Извините за беспокойство. Я пойду, с вашего позволения.

И он вышел из кабинета, сопровождаемый укоризненным взглядом директора.

Карл вышел из дома на крыльцо и присел на шезлонг. Элизабет не было дома, последнее время она начал больше гулять, общаться с другими людьми. Это ей рекомендовали специалисты из корпорации, да она и сама чувствовала в этом потребность. С детьми вроде бы отношения наладились, Элизабет быстро училась. Прочитала кучу книг по детской психологии и педагогике, ходила и на практические занятия к психологу. Ветеринарией она не перестала интересоваться, но параллельно начала изучать программирование, зоопсихологию и медицину. Энергии у нее было за троих, Карл даже начал гордиться ей. В остальном тоже было все хорошо, вроде как.

Карл сидел и смотрел на вечернее небо с багровыми бликами заката. «Будущее приближается, оно уже пришло в мой дом. Осталось дело за мной – приму я его или буду, как мой отец, убегать и отворачиваться. Странно, я всю жизнь думал про себя, что я смелый и полностью преданный научному прогрессу. Но вот предоставляется возможность, прогресс зовет меня за собой, а я ослаб. Даже моя дорогая Лизи не испугалась. Что за малодушие, куда делся исследовательский дух и задор ученого? Неужели я постарел?

Нет, нельзя ждать дальше, когда стану старым и немощным, и цифровое бессмертие будет лишь соломинкой для утопающего, последней надеждой уцепиться за жизнь. Нет, надо сейчас, в рассвете сил делать этот шаг. К тому же мы

стали слишком разные. Она любит меня, а я ничего не могу поделать с собой, биологические инстинкты противятся – женщина андроид с кибернетическим телом? Отказаться в чувствах! Блокировать гормоны! Она чужая! И что делать с этим, – она перешла и уже на той стороне. А я все еще на этой. И только я могу перейти к ней, а она не может вернуться назад. Ничего, моя дорогая, ничего. Подожди немного, не торопись презирать своего нерешительного муженька. Мы справимся со всем. Если уж мы смогли победить смерть, то упрямство директора и прочих тем более победим. Я поговорю с Перельманом, он не откажет... начнем подготовку к переходу. Ну а через год я еще раз подниму этот вопрос... Если же снова откажут, ничего... У меня есть средства, я ведь ученый, знаю как заставить человеческое тело умирать. И у них не будет выхода. Ничего, дорогая. Скоро мы будем вместе, как раньше... И навсегда... Больше я не позволю никому забрать тебя.